

Ю. И. Литвиновская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Yu. Litvinovskaya

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94(41/99)

ТИЛЬЗИТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1807 ГОДА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

TILSIT PEACE TREATY OF 1807 AND RUSSIAN SOCIETY

Тильзитские соглашения между Россией и Францией, подписанные Александром I и Наполеоном в июле 1807 г., открывали новый этап в истории международных отношений. Условия Тильзитского мира были продиктованы России Наполеоном и не соответствовали ее интересам. Они вызвали практически всеобщее недовольство русского общества. Даже церковные иерархи сочли «греховным» повеление самодержца отменить анафему Наполеону как «антихристу». Повсеместный ропот приводил к заговорческим толкам, которые начались сразу после Тильзита и не смолкали вплоть до 1812 г.

Ключевые слова: Наполеон; Александр I; Тильзит; переговоры; недовольство.

The Tilsit Agreements between Russia and France, signed by Alexander I and Napoleon in July 1807, opened a new stage in the history of international relations. The terms of the Tilsit peace were dictated to Russia by Napoleon and did not correspond to its interests. They caused almost universal discontent of the Russian society. Even the church hierarchs considered «sinful» the autocrat's command to cancel the anathema to Napoleon as «antichrist». The widespread murmur led to conspiratorial talk, which began immediately after Tilsit and did not cease until 1812.

Keywords: Napoleon; Alexander I; Tilsit; negotiations; discontent.

Победа во Франции в 1789 г. буржуазной революции была с тревогой воспринята феодально-абсолютистскими режимами европейских стран, опасавшимися распространения ее влияния. Борьба шла по всем направлениям – дипломатическому, экономическому и военному. С 1792 по 1815 г. было образовано семь антифранцузских коалиций. Душой и финансистом практически всех их была Великобритания. Россия участвовала в каждой из них, кроме пятой в 1809 г., в силу союзнических отношений с Францией, закрепленных Тильзитским договором в 1807 г. Вклад России в мероприятия коалиций всегда был весомым благодаря мощи ее вооруженных сил. Самые серьезные последствия для Европы имели результаты 4-й коалиции (1806–1807 гг.). Россия вмешалась в события, послав на помощь разгромленной войсками Наполеона Пруссии 100-тысячную армию.

В битве при Фридланде в Восточной Пруссии 2(14) июня 1807 г. русская армия, возглавляемая одним из организаторов и участником убийства

Павла I бароном Л. Беннигсеном, потерпела жестокое поражение и потеряла способность к сопротивлению. В страшном беспорядке она отходила в пределы России. Это ускорило завершение войны 1806–1807 гг. К концу войны Россия осталась без поддержки своих союзников Англии и Австрии, которые не выполняли своих обязательств [1, с. 552].

Еще до фридландского боя в армии начали раздаваться влиятельные голоса в пользу заключения мира. Среди них был и голос цесаревича Константина Павловича [2, с. 296]. Всеобщее недовольство вызвала необходимость «продолжать сражаться из-за личной дружбы нашего императора к королю прусскому» [3, с. XV].

На другой день после Фридланда Беннигсен написал царю письмо, в котором, чтобы остановить катастрофу, указывал на настоятельную необходимость начать переговоры. Параллельно он обратился к брату Александра великому князю Константину с просьбой объяснить царю то, о чем не посмел написать ему лично, т. е., что «это не война, а настоящая бойня. ... Скажите ему все что хотите, лишь бы я мог остановить резню». 4(16) июня царь разрешил предложить французам перемирие [4, с. 73–74]. «Страх, посеянный среди русских последней битвой, вызвал у них решительное желание окончить эту великую борьбу», – писал впоследствии известный французский дипломат Ш. Талейран [5, с. 178].

Подготовительную работу к переговорам о мире царь поручил генералу князю Д. И. Лобанову-Ростовскому. В письменных инструкциях Александр писал: «Союз России с Францией всегда был предметом моих желаний, я убежден, что только он может обеспечить счастье и покой мира. ... Я лущу себя надеждой, что мы легко сговоримся с императором Наполеоном, лишь бы мы вели переговоры без посредников» [4, с. 77].

Мирный договор был подписан в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. Россия признавала все изменения, произведенные Наполеоном в Европе и которые будут сделаны в будущем. Она обязывалась разорвать дипломатические отношения с Англией и объявить ей войну. Россия уходила с Восточного Средиземноморья, Ионические острова уступались Франции. Страна присоединялась к континентальной блокаде. В подписанном одновременно секретном трактате об оборонительном и наступательном союзе участники договора обязывались совместно вести войну против любой державы.

Тексты Тильзитских договоров – творение одного из искуснейших французских дипломатов Ш. Талейрана. Содержащиеся в них недомолвки давали возможность Наполеону трактовать положения документа в нужном ему направлении. Недосказанное в статьях договоров в процессе переговоров императоров восполнялось умело сформулированными обещаниями Наполеона. «Все несовершенства и недомолвки скороспелого Тильзитского договора, – писал Шильдер, – восполнялись в уме императора Александра разными словесными соглашениями (arrangement verbal) между ним

и Наполеоном, на которые государь не раз ссылался во время последующих переговоров с Францией» [3, с. LVI–LVII]. Однако впоследствии выяснилось, что в практической деятельности Наполеон опирается исключительно на писанные статьи договора, «отвергая *«les belles whrases debitees a Tilsit»* (красивые фразы произнесенные в Тильзите. – Ю. Л.) [3, с. LVII].

Критические отзывы о подписанных в Тильзите документах стали появляться еще до их публикации. Недовольство касалось прежде всего ущемления интересов России. Текст договора был опубликован только 9(21) августа, т. е. спустя почти два с половиной месяца после подписания. Правительство стремилось выждать время с оглаской заведомо непопулярного документа, или, как писал граф П. А. Строганов «проявило нерешительность в деле обнародования договора, и создалось впечатление, что оно стыдится дела рук своих и хочет скрыть свою слабость» [1, с. 45].

Но волна недовольства от этого не уменьшилась. С точки зрения дворянского сословия России условия мира были возмутительны. Бывший посол в Лондоне С. Р. Воронцов в письме к графу П. А. Строганову назвал договор «бесчестьем, безумием и безнадежной ошибкой» [1, с. 25]. Гибельными для России считал Тильзитские соглашения и князь А. А. Чарторыйский [1, с. 42]. Известный русский государственный и общественный деятель, адмирал, писатель и ученый А. С. Шишков писал впоследствии: «Тильзитский мир уничтожил тело могущественной России принятием самых постыднейших для ней условий, превративших презираемого доселе страшившегося нас Бонапарте в грозного Наполеона» [6, с. 95].

Решительное отторжение союза с Францией имело глубокие внутренние корни. Вступая 16(28) ноября 1806 г. в войну с Францией ради защиты прусского короля Фридриха Вильгельма III, Александр I принял меры, чтобы придать этой войне народный характер. Был издан манифест о составлении и образовании повсеместных временных ополчений в 612 000 ратников. По высочайшему повелению в каждое воскресенье и каждый праздничный день в церквях читали объявления Синода о том, что Наполеон враг мира, церкви и России, он «отложился от Христовой веры» и мечтает провозгласить себя Мессией. Православная церковь призывала «верных чад своих» показать Наполеону Бонапарту, «что он тварь совестию сожженная и достойная презрения» [3, с. VI–VIII].

Неприятие мирного договора умножалось также на отрицательное отношение монархистов к личности Наполеона, узурпировавшего священную, с их точки зрения, императорскую власть, а также страх перед Наполеоном как «исчадием революции», склонным к продолжению агрессии и способным вызвать крестьянские волнения.

В 1807 г. Наполеон отменил в герцогстве Варшавском личную крепостную зависимость крестьян. Этот факт был воспринят в России с большой тревогой. После Тильзита страх перед отменой крепостного права получил

весьма широкое распространение. В представлении значительной части дворянства союз с Францией грозил опасными последствиями для страны.

В наиболее концентрированном виде отношение русского дворянства было выражены в письме личного характера будущего Оренбургского губернатора М. Ф. Веригина своему адресату И. Н. Философову, отправленным 10(12) августа 1807 г. «По статьям этого договора, – пишет Веригин, – Вы сможете судить о том, до какого унижения и позора низведена сейчас Россия. Наши славные солдаты сражались как львы, но, к сожалению, ими командовали овцы. Война принесла нам много вреда, а мир окончательно разбил нас, ибо наш дорогой император обязался признать все, что сделал Бонапарт донныне, и все, что он сделает в будущем. Такого условия не было ни в одном договоре со времени сотворения мира. В новой конституции герцогства Варшавского говорится, что никто не имеет права владеть крепостными. И вот одним росчерком пера дворяне почти лишены собственности. Можно опасаться, что эта эпидемия распространится и у нас. Это будет страшным ударом для России» [1, с. 30–31].

Всплеск эмоций характерен был прежде всего для столичных городов империи. Провинциальное дворянство, как писали современники, смотрело на события более спокойно. «Ну что же, была война, мы победили неприятелей, потом они нас победили, а там обыкновенно, как водится, мир, и слова богу, не будет нового рекрутского набора, – писал известный русский мемуарист Ф. Ф. Вигель о настроениях помещиков в самой что ни есть российской глубинке, в Пензенской губернии» [7, с. 428].

Тильзитские договоренности, как ни одни другие ранее подписывавшиеся Россией, имели, таким образом, широкий общественный резонанс, а также неоднозначность в оценке. Разногласия проявились и на самом высоком уровне между Александром I и некоторыми из его «молодых друзей». «Тильзитский мир, – писал Н. К. Шильдер, – должен был неизбежно вызвать перемену в личном составе ближайших сотрудников императора Александра. Все они относились враждебно к союзу с императорскою Франциею» [3, с. LXV]. От активной политической деятельности были вынуждены отойти В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, А. А. Чарторыйский. Признавая необходимость мира с Францией, «молодые друзья» решительно выступали против его условий, которые, с их точки зрения, были позорными, «не дающие никакой гарантии безопасности страны» [1, с. 45]. Произошла смена ряда министров. Отрицательное отношение министра иностранных дел А. Я. Будберга к русско-французскому союзу повлекло за собой его отставку в сентябре 1807 г. 30 августа (11 сентября) Будберг был отстранен от должности по болезни «до излечения», а руководство министерством было поручено графу Н. П. Румянцеву. В феврале 1808 г. он стал министром иностранных дел при сохранении за собой должности министра коммерции [1, с. 573].

Несмотря на предпринимаемые правительством меры с тем, чтобы не допустить роста общественного недовольства, французские дипломаты доносили в Париж, что «... в Петербурге не все спокойно, а в Москве господствует даже некоторое брожение. ... Утверждают, будто вдовствующая императрица действует в духе врагов Франции и мира. ... Общественное мнение вообще не в нашу пользу. Оно долго будет поддерживаться в этом направлении стараниями интриги» [8, с. 84, 137].

Возмущение французской политикой Александра I зашло настолько далеко, что в столичных аристократических сферах появились слухи о возможности дворцового переворота. 23 сентября 1807 г. шведский посол в Петербурге барон Л. Стединг сообщал своему королю Густаву IV Адольфу: «Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена, а так как императрица-мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести великую княжну Екатерину» [9, с. 221; 10, с. 131].

Можно предположить, что обстановка была достаточно серьезной, если учесть, что французский представитель в Петербурге счел необходимым предупредить об этом Александра I, а 22 октября (3 ноября) 1807 г. генеральный консул Франции Ж. Лессепс информировал об этой ситуации своего министра иностранных дел Ж. Шампаньи (герцога Кадорского) [8, с. 266–273].

После Тильзитского мира начался непростой процесс налаживания межгосударственных отношений стран, длительный период времени не просто враждовавших между собой, а нередко и находившихся в состоянии войны. Александр I и Наполеон договорились о восстановлении дипломатических отношений. Но это требовало некоторого времени для осуществления определенных, положенных при этом формальностей. На этот период для поддержания возникшей в Тильзите атмосферы доверия между императорами Наполеон решил аккредитовать в Петербурге одного из своих наиболее доверенных приближенных, флигель-адъютанта генерала Рене Савари, герцога де Ровиго.

В обязанности герцога де Ровиго входило подробно осведомлять своего императора о ситуации в России, об изменениях в русском правительстве, какие взгляды господствуют при дворе, у дворянства, других слоях общества. «Старайтесь, – учил его Талейран, – мало расспрашивая, многое узнать» [11, с. 138]. Понимая сложность ситуации в которой предстоит действовать генералу, Наполеон рекомендовал Савари проявлять осторожность в разговорах и действиях, избегать всего, что могло бы вызвать недовольство Александра I и придворных.

После пересечения французскими дипломатами западной границы российских владений Савари сразу же заметил, что русские все еще смотрели на французов, как на своих врагов. «Повсюду угрюмые и недоброжелатель-

ные лица, немое молчание, или злобные выходки. ... Не ведая о Тильзите, чиновники и духовенство не переставали возбуждать против нас национальное и религиозное чувство» [11, с. 138].

По мере приближения посланников Наполеона к российской столице вражда принимала все более осязаемый и оскорбительный характер. По приезде в Петербург Савари едва нашел себе квартиру. Никто не позаботился о том, чтобы его встретить и как-то обустроить пребывание в столице. Многочисленные попытки Савари найти подходящий случай для более близкого знакомства с русским обществом не приводили к успеху. Петербургский свет отказывался принимать его. Прием императрицы-матери, двор которой «оставался ... великой общественной и светской силой в России, и, не имея власти, сохранял влияние», как докладывал Савари в Париж, «был холоден и не продолжался и одной минуте» [11, с. 144–145].

Унижения и оскорбления, которым подвергался герцог де Ровиго со стороны аристократического общества столицы, проявляемая к нему неприязнь, были во многом связаны и с его ролью в казни герцога Энгиенского. Генерал был президентом Военного суда, который по фальшивым обвинениям приговорил герцога к смерти [8, с. 629].

Говоря о недружественном отношении к французам в столице в то время, будущий декабрист, князь С. Г. Волконский писал впоследствии, когда уже были в полной мере восстановлены дипломатические отношения: «Это чувство так было сильно в нас, что мы оказывали ненависть французскому посланнику Коленкуру, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство светскими учтивостями. Многие из нас прекратили посещения в те дома, куда он был вхож. На зов его на бал мы не ездили, хотя нас сажали под арест» [12, с. 61–62].

Этой же группой молодых офицеров был совершен и весьма дерзкий акт, который в случае его раскрытия грозил серьезными последствиями: было совершено нападение на здание французского представительства, разбиты стекла в комнате, где стоял портрет Наполеона. С. Г. Волконский так описывает это событие: «Зимней порой в темную ночь, несколько из нас, сев в пошевни (широкие сани, обшитые внутри лубом. – Ю. Л.), поехали по Дворцовой набережной. Взяв с собой удобнометательные камни, и, поравнявшись с этой комнатой, пустили в окна эти метательные вещества» [12, с. 62].

Велико было влияние на формирование антифранцузской атмосферы в российской столице дипломатического корпуса. Петербург в это время стал прибежищем огромного числа дипломатов и политиков государств, лишенных Наполеоном независимости. «Посланники Англии и Австрии ведут войну с нами, – отмечал Савари, – агенты других дворов действуют по их указаниям; даже агенты тех государств, о которых Наполеон думает, что они подчинились его политике, открыто или исподтишка враждуют с нами» [11, с. 148].

Под влиянием петербургских реалий посланник Наполеона свою обеспокоенность об усилении оппозиционных настроений в столице решил высказать даже самому Александру I. Но царь, как понял Савари, не склонен был предпринимать жестких и решительных действий в этом направлении. С другой стороны, вмешательство царя явилось серьезной поддержкой для французской дипломатической миссии. «Лица стали более приветливыми, – отмечал Савари, – двери некоторых домов открылись» [11, с. 147].

Савари приложил максимум усилий для выполнения поручений своего императора всесторонне и в наиболее полном объеме. Обстоятельная информация регулярно поступала в Париж. Император не только просматривал ее, но и пристально изучал, вникая во все детали сообщений о ситуации в России. Многие особенности и явления российской действительности его настораживали и беспокоили. Анализируя содержательные доклады генерала, Наполеон, прежде всего, обратил внимание на обстановку внутри страны. Он «усматривал серьезную опасность в настроениях русского общества и опасался его вредного влияния на ум Александра, в котором он, несмотря на все происшедшее между ними, замечал следы непостоянства и недоверия». И в этих условиях, отмечает один из крупнейших французских исследователей наполеоновской эпохи А. Вандаль, «его сношениями с Петербургом будет руководить двоякая мысль; с одной стороны сохранить союз с Россией; заставить его действовать и приносить все плоды, но в то же время быть постоянно начеку против новой измены России» [4, с. 166–167]. Таким образом, процесс налаживания послетильзитских отношений между Россией и Францией был непростым, на который к тому же накладывали свой отпечаток недавние вражда и противоборство.

Список использованных источников

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – М.: Политиздат, 1967. Июль 1807 г. – март 1809 г. – Т. 4. – 782 с.
2. *Мартенс, Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф. Мартенс. – Типография А. Бенке, 1902. – Т. XIII: Трактаты с Францией. 1717–1807. – 338 с.
3. Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб., 1893. – Т. 89. – 822 с.
4. *Вандаль, А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи: в 4 т. / А. Вандаль. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – Т. 4. – 608 с.
5. *Талейран.* Мемуары / Талейран. – М.: Изд-во Института междунар. отношений, 1959. – 440 с.
6. *Шишков, А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала / А. С. Шишков. – Берлин: Издание Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. – Т. 1. – 479 с.

7. Вигель, Ф. Ф. Записки: в 2 кн. / Ф. Ф. Вигель. – М.: Захаров, 2003. – Кн. I. – 608 с.
8. Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб., 1893. – Т. 88. – 725 с.
9. Пугачев, В. В. Отношение в России к Тильзитскому миру / В. В. Пугачев // Ученые записки Молотовского государственного университета. – Молотовское книжное издательство, 1953. – Т. VIII. – Вып. 2. – С. 215–224.
10. Троицкий, Н. А. Александр I и Наполеон / Н. А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1994. – 304 с.
11. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – М.: Политиздат, 1967. – Т. V. Апрель 1809 г. – Январь 1811 г. – 784 с.
12. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). – СПб.: Синодальная типография, 1902. – 548 с.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

О. В. Лицкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

O. Litskevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930.2

ДЕЛИМИТАЦИИ И ДЕМАРКАЦИИ ГРАНИЦЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ЛИВОНИЕЙ В XIV–XV ВВ.: ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

DELIMITATIONS AND DEMARCATATIONS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA'S BORDER WITH LIVONIA IN THE 14TH AND 15TH CENTURIES: THE PROBLEM OF SOURCES

В статье анализируются и классифицируются старейшие письменные источники, которые можно использовать для реконструкции конфигурации границ между ВКЛ и Ливонией, проведенных в правление великих князей литовских Ольгерда, Витовта и Казимира.

Ключевые слова: границы; Ливония; Тевтонский орден; Великое Княжество Литовское.

The article analyses and classifies the oldest written sources, which can be used to reconstruct the configuration of borders between the GDL and Livonia during the reigns of Lithuanian Grand Dukes Olgerd, Vitovt and Kazimir.

Keywords: borders; Livonia; Teutonic Order; the Grand Duchy of Lithuania.

Великое Княжество Литовское являлось одной из старейших исторических форм белорусской государственности, и неотъемлемым атрибутом его